

ПИТАНИЯ ГРАМАТИКИ

УДК [811.111+811.161.1]'362'366.533:[119+111.82]:303.024

СИМОНОВА Карина Николаевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: carsim@rambler.ru; тел.: +7 (8863) 2998785; моб.: +7 8 906 1838450**ПЕРИФЕРИЙНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(сопоставительный аспект)**

Аннотация. В данной статье на материале английского и русского языков выявляются особенности морфологических средств выражения грамматической категории числа, которые образуют периферийную зону в функционально-семантическом поле количественности (ФСПК). Характерной чертой русского языка является наличие согласования в числе у прилагательных, причастий, местоимений, глаголов, порядковых числительных. В английском языке данные лексико-грамматические разряды слов примыкают к определяемым словам; согласование носит семантический характер. В отличие от многообразных словообразовательных средств выражения значения глагольной множественности в русском языке, английский язык характеризуется ограниченностью их выбора, обусловленной аналитизмом этого языка.

Форма грамматического числа английского глагола указывает только на количество действующих лиц. Форма грамматического числа русского глагола указывает на количество действующих лиц и может выражать идею единичности или множественности самих действий.

Ключевые слова: категория числа, функционально-семантическое поле количественности, единичность, множественность.

Категория числа выражает количественную характеристику наиболее абстрактно, так как она не сообщает ни о численности предметов, ни об их связях друг с другом. Количественность представлена в языке многообразием разноуровневых (фонемных, морфемных, лексических, словообразовательных и синтаксических) средств, что позволяет рассматривать систему способов передачи количественных отношений в современных английском и русском языках в рамках соответствующего ФСПК.

Грамматическая категория числа не только пронизывает английский и русский языки, но является также организующей структурой речи. Это достигается путём специфичности сочетания константного значения каждой части речи с категорией числа [6, с. 78—79]. На протяжении истории развития английского языка категория рода и категория падежа, в отличие от русского языка, оказались в большей или меньшей степени утраченными, категория же числа осталась неизменной.

В русском и английском языках категория числа представлена семами единичности и множественности, находящими своё выражение в формах единственного и множественного числа. С наибольшей последовательностью обозначение единичности и множественности представлено у существительных — названий конкретных предметов, как одушевлённых, так и неодушевлённых, составляющих основную массу существительных. Грамматическая форма множественного числа существительного, реализуя значение неопределённой множественности, наиболее нейтральна по отношению к идее оценки множества как большого / малого, определённого / неопределённого, приблизительного или собирательного. В разряде существительных грамматическая категория числа носит имманентный характер, отражая одно из общих свойств объектов количественной определённости бытия. В этом состоит кардинальное отличие категории числа существительных от данной категории других лексико-грамматических разрядов, где она носит не имманентный, а отражённый, рефлексивный характер, и её существование обусловлено не онтологией мира (количеством предметов бытия), а онтологией конкретного языка, его грамматическими особенностями: согласованием по числу между подлежащим и сказуемым, определением и определяемым [5, с. 104—105]. Все остальные средства выражения количественных отношений не обладают указанными свойствами и являются **периферийными**.

Характерной чертой русского языка является наличие согласования в числе у прилагательных, местоимений, глаголов, порядковых числительных. Для большинства русских прила-

гательных свойственна грамматическая зависимость от существительного, заключающаяся в согласовании по роду, числу и падежу [8, с. 213]. Например: *Люди стекались сюда из всех деревень, разбросанных среди каналов, со всей округи, напомилавшей голландский ландшафт, хотя вместо тюльпанов здесь были молодые зелёные побеги или золотые стебли зрелого риса, а вместо ветряных мельниц — церкви* (Грэм Грин, 43).

Категорию числа прилагательных в русском языке, представляющую собой набор однопорядковых морфологических форм у слов, которые не воспроизводят отражения каких-либо объективных отношений, нельзя считать асемантической. Она действительно асемантична со стороны объективных отношений, но, участвуя в согласовании, формы имен прилагательных указывают на наличие синтаксических отношений между словами, выражаемых другими средствами, а, следовательно, с их помощью воспроизводится идея наличия отношений между соответствующими объективными фактами. Необходимо также отметить, что в случае сочетания имён прилагательных с неизменяемыми существительными их семантические категории функционируют как полноценные грамматические категории, так как их морфологические формы выражают грамматические значения числа и падежа (*новое пальто, новые пальто*) [11, с. 81—82]. Подобно прилагательным, причастия в русском языке имеют согласуемые формы числа, при этом система склонения причастий совпадает с системой склонения прилагательных, например: *лежащий больной — висячие сады*.

Грамматическая категория числа, свойственная прилагательным и причастиям в русском языке, отсутствует у английских прилагательных и причастий. В английском языке они примыкают к определяемым словам, а согласование носит лишь семантический характер [12, с. 17]. Следовательно, в аналитическом английском языке с разрушенной системой флексий согласование по числу является спорадическим, например: *a good son — good sons, a singing girl — singing girls*.

Множественность в английском и русском языках представлена личными и возвратными местоимениями в форме множественного числа. Следует отметить, что категория числа у данных местоимений несловоизменительная морфологическая категория, выражаемая в системе двух противоположных рядов, организуемых морфологическими формами разных слов: падежными формами местоимений *я, ты* со значением ед. числа и падежными формами *мы, вы* со значением множ. Числа. *Мы* — это *не я, я + я + я...*, а *я + ты (вы, они)*, то же относится и к местоимению *вы*. Следовательно, эти местоимения не являются формами одного слова, а представляют собой разные слова с разным лексическим значением [1, с. 145—148]. Категория числа у личного местоимения *он* в русском языке, в отличие от местоимений *я, ты, мы, вы* — это словоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных рядов форм со словоформой *они* в качестве исходной — во множественном числе [7, с. 533].

В русском языке, как и в большинстве европейских языков, в качестве обращения используются два личных местоимения *ты* и *вы*, а в английском только одно — *you*. Форма ед. числа *thou* вышла из употребления в конце эпохи средневековья, и её исчезновение можно объяснить тенденцией к демократизации межличностных отношений и становлению горизонтального характера культуры. Как справедливо отмечает С. Ульман, этот факт имел огромные последствия для становления этих отношений. Автор подчёркивает, что даже если отсутствие личного местоимения единственного числа может иногда приводить к неловким двусмысленностям, риск возникновения таких ситуаций искупается тем количеством снобизма и высокомерия, запретов и комплексов неполноценности, от которых избавилось англоговорящее сообщество благодаря этому простому приёму [Цит. по: 5].

В русском языке существует возможность выбора — когда *вы* может употребляться при реальной единичности (обычно пишем с большой буквы, что подчёркивает уважительность этой формы обращения) и при реальной множественности. В русскоязычном общении выбор личного местоимения второго лица имеет большое значение: переход на «*ты*» свидетельствует о сокращении дистанции между говорящими, об интимизации общения, о признании равенства их социального или иного статуса. С другой стороны, переход на «*ты*» без согласия партнёра по общению может быть воспринят как акт фамильярности, грубости, оскорбления, что находит своё выражение в таких фразах, как «*Перестаньте мне тыкать!*» «*Вы мне не тыкайте!*» В определении хамства как социального явления употребление *ты* (обращение на «ты») приводится в качестве «диагностического» признака. Тыканье может даже послужить поводом к драке. Однако *ты* может и осчастливить: *Пустое Вы сердечным ты Она, обмолвясь, заменила...* (А. С. Пушкин). *И как будто по ошибке Я сказала: «Ты...» Озарилась тень улыбки Милые черты. От подобных оговорок Всякий вспыхнет взор... Я люблю тебя, как сороч Ласковых сестёр...* (А. Ахматова). Таким образом, различие в употреблении местоимений второго лица в русском языке несёт значительную прагматическую нагрузку и отражает особенности культуры, в данном случае, её вертикальный тип, а также большую степень интимизации общения [5, с. 107].

Такому эмоциональному разнообразию обыгрывания *ты* и *вы* английский язык противопоставляет регулярное безальтернативное употребление *you*, навязывающее своему носителю формально-официальное отношение. И учитель ученику, и ученик учителю, и генерал рядовому, и рядовой генералу — все друг другу говорят *you*. Всё поровну, всё справедливо — это свидетельство выраженной демократичности английского общества. Никого нельзя оскорбить тыканьем — *you*каньем, но никого нельзя и, «обмолвись», как будто по ошибке, осчастливить. Так представители английской лингвокультуры оказываются более вежливыми, но менее эмоциональными, чем русской. Английский язык не даёт им возможности поиграть, а значит, и почувствовать, потому что нет выбора, есть всего лишь одна форма [10, с. 153].

Глагол в сопоставляемых языках имеет два числа: единственное и множественное; однако, в отличие от английского языка, в котором форма числа указывает не на количество действий, а на количество действующих лиц, в русском языке форма числа выражает как количество субъектов действия, так и идею множества самих действий. Согласование (координация) в числе очень чётко выражено в глаголе. В форме настоящего времени сема множественного числа сочетается с семой лица, вследствие чего каждая из морфем, выражающих настоящее время несовершенного вида или будущее время совершенного вида — *-им, -ете, -ите, -ют, -ут, -ят, -ат* — отчётливо выражает категорию множественности.

Помимо семы количественного признака действия, в русском языке, с точки зрения количественной аспектуальности, глагол имеет признак кратности, который реализуется как совокупность двух значений — однократности и многократности. В русском языке значение многократности является одним из значений глаголов несовершенного вида (*хаживать, обсуждать*), например: *Обычно Клаус оставлял сведения в тайниках* (И. Бондаренко, 409).

В глаголе проявляется богатство русского языка. Глагольная сущность всех славянских языков, а следовательно, и русского, прежде всего связана со специфической категорией вида, которая характеризует действие глагола с точки зрения его определённости или неопределённости. Эта грамматическая семантика делит все глаголы на два ряда противопоставленных друг другу форм: совершенного и несовершенного вида. Данная грамматическая оппозиция существует независимо от категории времени и на основании обобщённой семантики процессуальной определённости и неопределённости охватывает весь глагольный массив. В истории развития русского языка, эта категория возникла относительно недавно, отделившись от временной парадигматики, которая ещё на стадии древнерусского языка была неразрывно связана с аспектуальными значениями глаголов. По мнению Э. К. Дербишевой, возникновение такой категории в славянских языках мотивировано необычайным семантическим разнообразием глагольной лексики. Это свойство в значительной степени связано с префиксами, которые способны выразить тончайшие оттенки движения всего сущего. С их помощью можно выразить невероятное разнообразие проявления действия, связанное с пространственной ориентированностью со всеми видами направления движения; временной лимитацией действия с точки зрения его кратковременности, непродолжительности, длительности, бесконечности, фазовой детерминации действия (начало, конец); кратности, повторяемости, периодичности проявления действия, распределённости действия во времени и в пространстве, меры проявления действия (малая степень его проявления) или интенсивного проявления, например: *говорить: заговорить, поговорить, проговорить, уговорить, отговорить, выговорить, наговорить, подговорить, приговорить, переговорить, обговорить, договорить, разговорить*. Это многообразие глагольных образований возрастает с привлечением суффиксальных и постфиксальных средств языка: *разговориться, договориться, проговориться, проговариваться, приговаривать, подговаривать, наговориться* и т. п. Именно вид оказался той систематизирующей категорией, которая внесла упорядоченность в громадный глагольный «хаос», распределив их на основании определённости и неопределённости по видам [4]. В английском языке грамматическая многократность совершения действий, их регулярная повторяемость выражается формами продолженного вида (*She was always talking at her lessons*), а также при помощи глаголов *used to, would* в сочетании с инфинитивом (*I used to play chess when I was small*). Ограниченность выбора морфологических форм выражения значения глагольной множественности в английском языке, обусловленная аналитизмом этого языка, компенсируется видовременными формами глаголов.

В русском языке прослеживается связь между числом существительного в функции дополнения и глаголом. Так, с глаголом-сказуемым совершенного вида сочетается существительное в единственном числе со значением «неопределённая множественность объектов»: *Он кусал/откусывал куски*. Но нельзя сказать: *Он кусал кусок*. В английском языке сходные случаи выражаются лексически, например: *to kill* означает «убить один раз одного субъекта» («нерасчленённость»), а *to massacre* — «убивать многих» («расчленённость») [9, с. 273]. Как справедливо отмечает Т. В. Булыгина, числовое значение существительного в русском языке влияет на выбор между присущим несовершенному виду значением «итеративность» + «результативность»

и значением «нерезультативность», «длительность» [2, с. 351]. Автор приводит следующие примеры: (1) *Его друзья бросали курить, когда женились.* (2) *Его друг бросал курить, когда женился.* Так, из (1) примера можно заключить, что «его друзья» перестали курить; во втором примере говорится лишь о неудачных попытках «его друга» отказаться от скверной привычки. Эти примеры иллюстрируют семантическую близость значений собирательной/разделительной множественности, присущих множ. числу существительных, и значений временной локализованности/нелокализованности действия, выражаемых глагольным видом [3, с. 38—41].

Таким образом, анализ периферийных морфологических средств выражения категории числа свидетельствует о том, что для русского языка характерно глубокое проникновение данной категории во все части речи, вследствие чего язык обладает многообразной системой флексий, выражающих семы единичности и множественности. Для аналитического английского языка характерна бедная система флексий единственного и множественного числа.

Литература

1. Барулин А. Н. Категория числа в местоимениях / А. Н. Барулин // Исследования в области грамматики и типологии языков / отв. ред. В. М. Андриушенко. — М., 1980. — С. 145—163.
2. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. — М. : Наука, 1980. — С. 320—355.
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
4. Дербисева З. К. Национальный менталитет и его отражение в языке [Электронный ресурс] / З. К. Дербисева. — Режим доступа: <http://Monumenta altaica> [сайт]. — [Б. м., 2002].
5. Козлова Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего : монография / Л. А. Козлова. — 2-е изд. — Барнаул : АГПА, 2012. — 203 с.
6. Кошечая И. Г. Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошечая, Ю. А. Дубовский. — Минск : Высшая школа, 1980. — 270 с.
7. Плотникова В. А. Имя существительное: Категория числа / В. А. Плотникова // Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Наука, 1980. — С. 471—474.
8. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. — 5-е изд. — М. : Высшая школа, 2001. — 462 с.
9. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. — М. : Наука, 1981. — 361 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 624 с.
11. Чеснокова Л. Д. Категория количества и способы её выражения в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова. — Таганрог : Изд-во ТГПИ, 1992. — 178 с.
12. Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / С. А. Швачко. — К. : Вища школа, 1981. — 143 с.

References

1. Barulin A. N. Kategorija chisla v mestoimenijah / A. N. Barulin // Issledovanija v oblasti grammatiki i tipologii jazykov / отв. red. V. M. Andriushenko. — M., 1980. — S. 145—163.
2. Bulygina T. V. Grammaticheskie i semanticheskie kategorii el. sviazi / T. V. Bulygina // Aspekty semanticheskikh issledovanij. — M. : Nauka, 1980. — S. 320—355.
3. Bulygina T. V. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmeliov. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. — 576 s.
4. Derbisheva Z. K. Nacional'nyj mentalitet i ego otrazhenie v jazyke [Eltetronny resurs] / Z. K. Derbisheva. — Rezhim dostupa: <http://Monumenta altaica> [sajt]. — [B.m., 2002].
5. Kozlova L. A. Etnokul'turnyj potencial grammaticeskogo stroja jazyka i ego realizacija v grammatike govoriashhego: monografija / L. A. Kozlova. — 2-e izd. — Barnaul : AGPA, 2012. — 203 s.
6. Kosheva I. G. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov / I. G. Kosheva, Ju. A. Dubovskij. — Minsk : Vyshejskaja shkola, 1980. — 270 s.
7. Plotnikova V. A. Imia sushhestvitel'noe: Kategorija chisla / V. A. Plotnikova // Russkaja grammatika : v 2 t. T. 1 / Pod red. N. Ju. Shvedovoj. — M. : Nauka, 1980. — S. 471—474.
8. Sovremennij russkij literaturnyj jazyk / pod red. P. A. Lekanta. — 5-e izd. — M. : Vysshaja shkola, 2001. — 462 s.
9. Stepanov Ju. S. Imena. Predikaty. Predlozhenija / Ju. S. Stepanov. — M. : Nauka, 1981. — 361 s.
10. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija : ucheb. posobie / S. G. Ter-Minasova. — M. : Slovo, 2000. — 624 s.
11. Chesnokova L. D. Kategorija kolichestva i sposoby ejo vyrazhenija v sovremennom russkom jazyke / L. D. Chesnokova. — Taganrog : Izd-vo TGPI, 1992. — 178 s.
12. Shvachko S. A. Jazykovye sredstva vyrazhenija kolichestva v sovremennom anglijskom, russkom i ukrainskom jazykah / S. A. Shvachko. — K. : Vyshha shkola, 1981. — 143 s.

СИМОНОВА Карина Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики англійської мови факультету лінгвістики і словесності Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: carsim@rambler.ru; ел.: +7 (8863) 2998785; моб.: +7 8 906 1838450

ПЕРИФЕРІЙНІ МОРФОЛОГІЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ МНОЖИННОСТІ В АНГЛІЙСЬКІЙ І РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ (порівняльний аспект)

Анотація. У даній статті на матеріалі англійської та російської мов виявляються особливості морфологічних засобів вираження граматичної категорії числа, які утворюють периферійну зону у функціонально-семантичному полі кількисності (ФСПК). Характерною рисою російської мови є наявність узгодження в числі у прикметників, дієприкметників, займенників, дієслів, порядкових числівників. В англійській мові дані лексико-граматичні розряди слів примикають до означуваних слів; узгодження носить семантичний характер. На відміну від різноманітних словотвірних засобів вираження значення дієслівної множинності в російській мові, англійська мова характеризується обмеженістю їх вибору, спричиненою аналітизмом цієї мови.

Форма граматичного числа англійського дієслова вказує тільки на кількість дійових осіб. Форма граматичного числа російського дієслова вказує на кількість дійових осіб і може виражати ідею одиничності або множинності самих дій.

Ключові слова: категорія числа, функціонально-семантичне поле кількисності, одиничність, множинність.

Karina N. SIMONOVA,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of the English Language, Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: carsim@rambler.ru; tel.: +7 (8863) 2998785; mob.: +7 8 906 1838450

PERIPHERAL MORPHOLOGICAL MEANS EXPRESSING THE CATEGORY OF PLURALITY IN ENGLISH AND RUSSIAN (comparative aspect)

Summary. This article deals with the peculiarities of morphological means expressing the category of plurality in English and Russian, which form the periphery of the functional-semantic field of quantativeness. Unlike Russian words, English adjectives, participles, pronouns, verbs and ordinal numerals are devoid of grammatical agreement in number. Agreement in number in English is of semantic nature. The Russian language is characterized by a variety of word-building means expressing verbal plurality, whereas the English language is limited in them due to its analytical nature.

Grammatical forms of number (singular and plural) indicate in English verbs only the number of actors. In Russian verbs such grammatical forms indicate the number of actors and can express the idea of oneness or multiplicity of actions.

Key words: the category of number, the functional-semantic field of quantativeness, oneness, multiplicity.

Статтю отримано 28.06.2014 р.